

Интерпретационный потенциал

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fgitbq>

Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных

Позднякова Елена Юрьевна

Алтайский государственный технический университет

им. И. И. Ползунова, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна

Алтайский государственный педагогический университет,

Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Аннотация: Статья посвящена описанию интерпретационного потенциала абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. С позиций интерпретационной лингвистики любое слово оказывается встроенным в диалог, а семантика слова не является зафиксированной и навсегда застывшей. Цель статьи – выявить отличия в развертывании интерпретационного дискурса у абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. Для решения проблемы обусловленности интерпретационного потенциала слова типом его значения (абстрактное / конкретное) был предпринят лингвистический эксперимент, состоящий из 2-х этапов. Первый этап заключался в моделировании ассоциативного поля имен нарицательных, второй – во встраивании существительных в диалогические высказывания. Респондентами стали студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова в возрасте 18–22 лет: на первом этапе – 109 человек, на втором – 270. В качестве материала исследования послужили 5248 реакци-ассоциатов и 218 диалогических высказываний. В результате выяснилось, что интерпретационный потенциал слова обусловлен ассоциативно, а отдельные лексические единицы, образующие ассоциативный ряд, можно рассматривать как ключевые лексемы, по которым в дальнейшем оказывается возможно развертывание высказываний адресатом. Компоненты семантической структуры ассоциативного поля абстрактных и конкретных имен нарицательных могут порождать как синонимичные, так и антонимичные реакции, однако ассоциативное поле лексем с конкретным значением более разнообразно. На основе анализа ключевых ассоциатов были выделены референциальные области существительных. При этом референциальные области абстрактных и конкретных существительных связаны с зафиксированным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку большинство из них не коррелируют с описанием, данным в словаре. При развертывании диалогов с абстрактными именами существительными чаще всего не задействуются области, связанные с прямым (словарным) значением лексемы, в то время как при развертывании диалогов с конкретными именами существительными – области, связанные с интерпретационным и переносным значением.

Ключевые слова: интерпретационная лингвистика, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, имя нарицательное, текст, дискурс

Цитирование: Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Интерпретационный потенциал абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 503–514. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-503-514>

Поступила в редакцию 15.05.2024. Принята после рецензирования 05.07.2024. Принята в печать 08.07.2024.

full article

Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Abstract: The article describes the interpretative potential of abstract and concrete common nouns. In interpretational linguistics, any word may become part of dialogue, which means that its semantics is not static. The research objective was to identify differences between abstract and concrete common nouns in interpretational discourse. The linguistic experiment consisted of two stages; its goal was to identify the effect of the word type (abstract / concrete) on its interpretative potential. The respondents were first- and second-year students of the Polzunov Altai State Technical University aged 18–22 y.o. The first stage (109 people) involved modeling the associative field of common nouns while the second one (270 people) featured their use in dialogue speech. The surveys yielded 5,248 associations and 218 dialogues. The interpretative orientation of a word was determined by association, and words that formed an associative chain could be considered as key lexemes used by the recipient to build their own discourse. The semantic components of the associative field of abstract and concrete common nouns generated both synonymous and antonymous reactions. However, the associative field of lexemes with a concrete semantics proved to be more diverse. The analysis of key associates made it possible to identify the referential areas of nouns of abstract and concrete nouns, which were not directly linked to the dictionary lexical meaning as most of them did not correspond with the dictionary definition. Dialogues with abstract nouns seldom included areas associated with their direct (dictionary) definition. Dialogues with concrete nouns hardly involved areas connected with interpretative and figurative meaning.

Keywords: interpretational linguistics, associative experiment, associative field, common noun, text, discourse

Citation: Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Interpretative Potential of Abstract and Concrete Common Nouns. *SibScript*, 2024, 26(4): 503–514. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-4-503-514>

Received 15 May 2024. Accepted after peer review 5 Jul 2024. Accepted for publication 8 Jul 2024.

Введение

Статья выполнена в русле интерпретационной лингвистики, предметом изучения которой является интерпретационное функционирование языка. Лингвистический интерпретационизм – одно из активно развивающихся научных направлений, основной идеей которого считается интерпретируемость языковой единицы и положение о том, что «значение и смысл языковых выражений представляют собой результат интерпретирующей деятельности человека» [Ким 2012: 6]. Отдельные положения данного направления представлены в работах [Болотнова 2014; Боярская, Метелев 2024; Голев, Сергеев 2008; Демьянков 1996; 1999; Залевская 2018; Ким 2012; Ким, Беляева 2019; Ким, Голев 2008; Чернейко 2015; Шпилная 2013].

В данной статье мы рассматриваем имя нарицательное как компонент интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание¹. Обращение к проблеме обусловленности интерпретационного потенциала слова типом его значения (абстрактного / конкретного) и признание значимости роли интерпретирующего субъекта (адресата) в формировании семантики слова и восприятии речевого высказывания определяет актуальность работы.

Цель статьи – выявить отличия в разворачивании интерпретационного дискурса у абстрактных и конкретных нарицательных имен существительных. Задачи:

¹ Под интерпретационным речевым высказыванием понимается любое высказывание, появившееся в процессе восприятия слова и являющееся результатом интерпретационной деятельности адресата.

1. Разработать методику проведения лингвистического эксперимента, направленного на развертывание интерпретационного потенциала имен нарицательных.
2. Описать результаты проведенного эксперимента.
3. Выделить референциальные области абстрактных и конкретных имен существительных.
4. Провести сравнительный анализ разворачивания интерпретационного дискурса абстрактных и конкретных имен существительных.

Предпринятый сравнительный анализ интерпретационного потенциала конкретных и абстрактных нарицательных имен в их корреляции с референциальными областями позволяет выявить некоторые закономерности в их интерпретационном функционировании, что обуславливает новизну проведенного исследования.

В процессе коммуникации адресат воспринимает слово и актуализирует одно из его множественных значений, разворачивая свое речевое высказывание. Как отмечает Н. Н. Шпильная, «в процессе общения реализуется диалогическая языковая способность, при этом воспринимающий субъект – адресат находится в позиции отвечающего, осуществляющего языковую и речемыслительную деятельность в ситуации ответа – реплицирования» [Шпильная 2021: 7].

С позиций интерпретационной лингвистики любое слово оказывается встроенным в диалог, а семантика слова не является зафиксированной и навсегда застывшей: существует множественность интерпретаций, а лексема предстает как сгусток идей или «пучок смыслов», связанных с ее внешней оболочкой. По словам Е. С. Кубряковой, «речь рождается от слова или целых кусков (chunks) будущего высказывания» [Кубрякова 1986: 133]. Л. Г. Ким пишет о символической природе языковых знаков, «смысл которых не дан, а лишь задан намеком их внутренней формой, допускающей неоднозначную интерпретацию и бесконечно порождающей новые смыслы» [Ким 2012: 17]. Слово обладает определенным коммуникативным потенциалом, который позволяет лексеме участвовать в общении в качестве элемента высказывания – «носителя определенного "кванта" знания и прагматического заряда» [Болотнова 2014: 231]. Благодаря «коммуникативным свойствам лексических единиц в сознании автора и адресата рождаются соответствующие (не идентичные из-за разного знания о мире) микросмыслы, значимые для последующего обобщения в процессе смыслового развертывания текста и его понимания адресатом» [Там же]. Речь говорящего зависит не только от ситуации, но и от того, как говорящий

представляет себе адресата, его образ: «это конкретный собеседник, а также реальная или потенциальная аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать» [Чернейко 2005: 53], однако не менее важную роль в восприятии высказывания играет адресат, поскольку именно он осуществляет интерпретацию полученного сообщения и порождает ответное высказывание.

Развивая мысль Н. С. Болотновой о том, что коммуникативный потенциал слова реализуется не только в ситуации порождения, но и восприятия высказывания, мы полагаем, что одним из аспектов коммуникативного функционирования слова является интерпретационный аспект, соотносимый с интерпретационным функционированием слова. Интерпретационный потенциал слова обычно связывают с анализом прагматически маркированного слова [Булыгина, Трипольская 2015]. Актуальным для нас является положение, согласно которому в структуре языкового знака выделяется интерпретанта, определяющая восприятие знака адресатом (Ч. Пирс). «Именно интерпретанта определяет знаковый характер в отношениях между отправителем и получателем в процессе коммуникации» [Лукьянова 2012: 237]. Иными словами, одним из свойств языкового знака, в том числе и нарицательного имени, является интерпретируемость. Интерпретация – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий [Демьянков 1996: 31], в свою очередь, смысл выражения представляет собой «актуализированное речевое значение в рамках сиюминутной ситуации интерпретирования» [Демьянков 1999: 11]. Как следствие, имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, способно наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса адресата.

Еще в трудах А. А. Потебни находим мысль о том, что «собственное значение слова не есть полное содержание мысли, связанной со словом, а только один признак, символически обозначающий эту мысль, что слово есть представление мысли» [Потебня 2000: 323]. Ученый различает *ближайшее* и *дальнейшее* значение слова, первое понятно всем говорящим, второе – включает в себя все сведения и ассоциации, которые могут быть у индивидуума по поводу данного слова. «В процессе общения слово связывается говорящими с новыми ассоциациями и реалиями, что приводит к появлению смыслов как личностно актуальных компонентов значения» [по: Рудакова 2023: 12]. Учение А. А. Потебни основано на выделении в слове внешней

формы, содержания, объективируемого посредством звука, и внутренней формы или ближайшего этимологического значения слова [Потебня 1989: 160]. Мы полагаем, что внутренняя форма имени актуализирует интерпретационный дискурс воспринимающего субъекта и «дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова» [Там же: 166].

В современных исследованиях доказываем, что слово задает направление репрезентации смысла, «это и инструмент мыслительной деятельности человека, и зафиксированные структуры знания, и реальное представление актуальных смыслов, и указатель пути приобретения этого знания» [Пищальникова, Степыкин 2023: 42]. Л. О. Чернейко утверждает, что реакция воспринимающего субъекта – адресата – «зависит не только от "базы данных" последнего (от типа языковой личности, от ее перцептивного словаря, от настроения и т. д.), но и от структуры языкового знака – его неоднозначности» [Чернейко 2015: 109]. Как отмечает А. В. Рудакова, «в процессе употребления в динамичной семантической структуре слова каждый индивид выделяет актуальные для него компоненты, что постепенно ведет к изменению познавательной структуры, обозначенной прежним словом, т. е., по сути, к медленному, но неуклонному изменению его значения» [Рудакова 2023: 12]. Таким образом, семантика слова изменчива, в процессе восприятия адресат интерпретирует полученное сообщение и «пропускает» его через собственные личностные смыслы, и лишь совпадение языковой картины мира говорящего и слушающего делает возможным понимание высказывания и его дальнейшее развертывание.

Методы и материалы

Для доказательства гипотезы о том, что имя нарицательное выступает компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание, нами был предпринят лингвистический эксперимент.

Проведенный эксперимент включал в себя несколько этапов: 1 этап – моделирование ассоциативного поля имени нарицательного; 2 этап – встраивание имени нарицательного в диалогические высказывания.

На 1 этапе эксперимента в качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным (17 лексических единиц (ЛЕ)) и конкретным значением (23 ЛЕ), всего 40 ЛЕ. В анкеты были также включены

названия коммерческих объектов (имена собственные), однако без указания на специфику именуемого объекта. Актуализация дискурса имени собственного подробно рассматривается в научной статье одного из авторов (см. [Позднякова 2023]). Респондентами стали студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова ($n = 109$) в возрасте 18–22 лет. Испытуемым предлагалось записать ассоциации, возникшие при восприятии слов. Всего было получено 5248 реакций, в 88 случаях отмечено отсутствие ассоциаций. Полученные ассоциации рассматриваются нами как ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного. Совокупность ассоциатов, относящихся к конкретной лексеме, формирует ее ассоциативное поле, в результате моделирования которого можно говорить о «доминировании тех или иных типов ментальных опор, содержащих информацию о языковых и энциклопедических знаниях, эмоционально-оценочных переживаниях индивида и нормах и оценках, выработанных социумом» [Степыкин 2024: 90]. Результаты исследования интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой описаны в статье [Позднякова, Шпилная 2024].

2 этап эксперимента представлял собой моделирование диалогических высказываний с именем нарицательным. В диалогах, целью которых была актуализация дискурса имени нарицательного, были использованы существительные с конкретным и абстрактным значением. В результате было получено 218 диалогов. В качестве респондентов выступили студенты 1–2 курсов Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова ($n = 270$) в возрасте 18–22 лет (информанты участвовали в эксперименте добровольно).

Результаты

Первый этап экспериментального исследования представлял собой свободный ассоциативный эксперимент, в котором имена нарицательные выступали в качестве стимула. Полученные ассоциаты мы рассматриваем как ключевые слова, формирующие ассоциативное поле лексемы, по которым возможно дальнейшее развертывание высказываний носителей языка [Караулов 2010; Сахарный и др. 1984]. Мы исходим из мысли, согласно которой интерпретационная ориентация слова обусловлена ассоциативно. Иными словами, мы считаем, что ассоциативное поле лексемы фиксирует ее интерпретационный потенциал.

При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную

модель разворачивания дискурса, актуализирующего концептную семантику существительных или коммуникативные фрагменты.

В качестве примеров возьмем лексемы с абстрактной (*радость*) и конкретной (*сова*) семантикой и проанализируем потенциал интерпретационного развертывания имен нарицательных адресатом.

Лексема с абстрактной семантикой

В ходе ассоциативного эксперимента были получены следующие реакции на стимул **радость**: смех (12) / смех людей, улыбка (10) / улыбки (2), счастье (10), детство (5), веселье (4), друзья (4), лето (4), семья (4), автомат (2) / автомат по вышивату (3), дом (2), еда (2), легкость (2), подарки (2), праздник (2), удовольствие (2), эмоции (2), близкие люди / близкие, сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана и др. (всего 135 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциации; в 3 случаях ассоциаций нет).

Отдельные лексемы, образующие ассоциативный ряд, можно расценивать как ряд ключевых слов, своеобразные точки компрессии смысла, которые подлежат интерпретации и последующему развертыванию адресатами в процессе создания диалогических или монологических высказываний. На дотекстовом этапе большое значение имеют личностные смыслы воспринимающего субъекта, поскольку именно они порождают низкочастотные, субъективно-окрашенные ассоциации, кроме этого, именно они связаны с интерпретационной деятельностью адресата.

Имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, позволяет наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса, связанные с личностными смыслами адресата.

Итак, в словарной статье зафиксировано следующее определение лексемы *радость*: 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье. 3. (обычно со сл. *моя*). Разг. Ласковое, нежное обращение².

Ключевые ассоциаты лексемы *радость* включают в себя следующие компоненты значения, назовем эти компоненты *интерпретантами* (вслед за Ч. Пирсом):

- эмоции: *веселье, восторг, любовь, радость, счастье, горе, горечь, печаль*;

- состояния: *легкость, моменты, свобода, спокойствие, стремительность, подъем, удовлетворенность*;
- еда: *еда, леденец, обед, поесть, семечки*;
- общение: *встреча, друзья, компания, увидеться с девушкой*;
- работа / учеба: *автомат, автомат по вышивату, выполненная работа, любимое дело, сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана, сессия на отлично*;
- деньги: *деньги, доллар по 30 руб., стипендия*;
- семья: *близкие люди / близкие, детство, дом, кот, мама, папа, поддержка, рядом с близкими, семья*;
- смех: *смайл фейс, смех, смех людей, улыбка/и*;
- погода: *лето, солнце, погода*;
- достижения: *исполнения желаний, победа, удача*;
- приятные занятия / события: *вождение, игра, музыка, подарки, праздник, покурить, приключение*;
- атрибуты радости: *в мелочах, непостоянна, щенячья*.

Сравним полученные ассоциаты с ключевыми компонентами значения данного имени нарицательного. Выделенные референциальные области связаны с описанным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку лишь две области – **эмоции** и **состояния** – коррелируют с определением, данным в словаре. Отметим, что компонент семантической структуры ассоциативного поля, объединяющий названия эмоций, порождает как синонимичные, так и антонимичные номинации, последние в лексическом значении лексемы *радость* не могут быть зафиксированы.

Интерпретация адресатом предполагает конкретизацию и развертывание дискурса имени нарицательного в языковом сознании реципиента. Появляющиеся индивидуальные реакции, напрямую не связанные с семантикой слова, свидетельствуют о «прохождении» лексемы через личностные смыслы адресата и актуализации тех прагматических, субъективно окрашенных ассоциаций, которые обладают психологической релевантностью для воспринимающего субъекта в данный момент в конкретной ситуации. В то время как процесс образования интерпретационного (субъективного или непрямого) значения можно представить как «процесс осмысления различных феноменов, событий и ситуаций действительности, называемых словом» [Бубнова 2010: 30].

² Радость. *Большой толковый словарь русского языка*, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=Радость&mode=slovarei&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=Радость&mode=slovarei&dicts[]=42) (дата обращения: 20.04.2024).

Соотношение прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения можно представить в виде схем (рис. 1).

На втором этапе экспериментального исследования испытуемым предлагалось продолжить в свободной форме незаконченную фразу участника диалога. Диалог был построен следующим образом:

- Привет!
- Привет!
- У меня сегодня радость!
- Какая радость, расскажи...

Варианты развертывания диалогов чаще всего демонстрируют стереотипные реакции воспринимающего субъекта. При этом задействуются референциальные области, актуализированные в ходе ассоциативного

эксперимента. Длина достроенного высказывания варьируется от одного слова-реплики до нескольких полноценных речевых актов. Полученные диалоги можно расценивать как реакции на ключевое слово *радость*. В качестве примера приведем ключевые ассоциаты лексемы *радость* и варианты развертывания соответствующих им референциальных областей в репликах испытуемых.

Еда: Я покушал / Я поел / Я выспался и поел.

Работа / учеба: Мне удалось устроиться на работу в компанию моей мечты / Меня сегодня повысили в должности / Будь добр. – Я со стипендии не слетел! Теперь впереди его один благополучный семестр / Что у тебя? – Учебный год наконец-то закончился! / Я сдал все экзамены / Мне интересно. – Я закрыл сес-

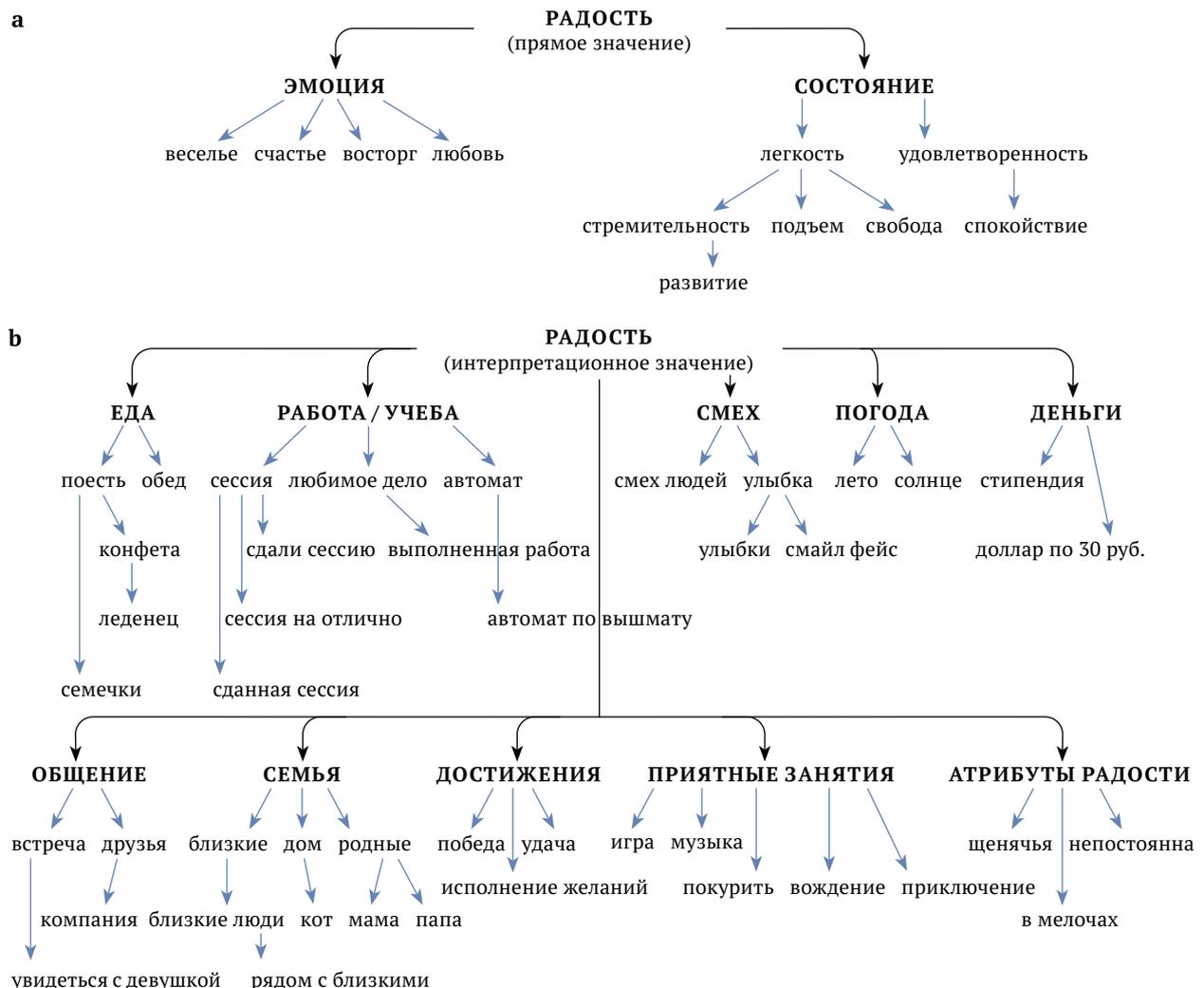

Рис. 1. Схема прямого (а) и интерпретационного (б) развертывания семантики имени нарицательного с абстрактным значением

Fig. 1. Direct (a) and interpretational (b) deployment of semantics for an abstract common noun

сию досрочно и могу ехать домой / У меня 100 баллов за экзамен / Я смог защитить лабораторную по физике на 60 баллов / Кончилась учеба, и стало больше свободного времени / Рома не опоздал на пары / Мне. – Я поступила! / А я послушаю и оценю. – Все экзамены закрыты автоматом, как и зачеты / Что у тебя случилось. – Меня приняли на работу в мою любимую компанию / Закончил учебу без долгов.

Деньги: Стипендия пришла! / Я заработал свой первый миллион на криптобирже / Я получил зарплату / Мне. – Хорошая, я нашел кошелек.

Семья: Родилась дочь / Моя собака родила семейных щенят / Сегодня мой сын сказал первое слово, и представляешь, он сказал «Папа»!!! / У меня родилась сестра / Сын родился! / Ну? К нам сын летит / Подробнее. – Сегодня я смогу поехать домой к родителям.

Погода: Лето через несколько недель.

Достижения: Я машину купил – фуру / Я купил машину! / Сегодня я купил себе велосипед:) / Я сегодня выиграла сет роллов в конкурсе репостов / Что произошло. Сегодня я сдал экзамен в автошколе / Мне купили новую машину / Мне купили айфон 15 про макс ультра, а у тебя Сяоми / Я лотерею выиграл / Я сегодня закрыл ипотеку / Мне интересно. – Наконец доделал поделку своими руками / Что хорошее произошло? – Отремонтировал свой автомобиль / Мне о ней! – Я машину продал / Мне. – Я купил кроссовки по скидке, которые давно хотел купить.

Приятные занятия / события: Мы сегодня собираемся за грибами в лес / Выходной / Пару отменили / Я наконец-то погладил енота / Мне провели ринопластику и удалили в носу горбинку / Пожалуйста. – Сегодня мне исполнилось 18 лет.

Атрибуты радости: Что случилось? – Счастливая / Нереальная.

При достраивании диалогов речемыслительная деятельность индивида сводится к развертыванию и интерпретации ключевых реакций на слово-стимул. «В диалоге в механизм текстопорождения встраивается позиция слушающего, активность которой задается его ассоциативной реакцией на сам знак – на его понимание, а точнее, на недопонимание или непонимание» [Чернейко 2015: 109]. Адресат интерпретирует ключевую лексему, актуализируя определенные референциальные области случайным и часто стереотипным путем. Этим объясняется большое количество повторяющихся однотипных реплик в полученных диалогах. В достроенных диалогах интерпретирующий субъект актуализирует свои личностные смыслы,

озвучивая те его компоненты, которые обладают релевантностью для него в данный момент. Согласно утверждению Е. С. Кубряковой, «мысль формируется из этих смыслов, она как бы кристаллизуется в процессе столкновения образов и схем, смутных представлений, в поисках связи и отношений между ними, в выборе из всех возникающих ассоциаций наиболее важной для данной ситуации» [Кубрякова 1986: 67]. Происходит актуализация латентных установок адресата, озвучивается именно то, что больше всего соответствует его жизненным установкам и имеет для него исключительную ценность.

Отметим, что при достраивании диалогов с лексемой *радость* довольно часто встречаются неинформативные речевые акты, которые включают в себя:

- формулы речевого этикета: *пожалуйста* (встречается в 8 диалогах);
- формулы, показывающие заинтересованность в общении: *я весьма заинтересован / мне очень интересно*;
- этикетные фразы, вызывающие собеседника на откровенную беседу: *если не секрет / если тебе будет не сложно / мне по секрету / как дела на работе и дома*;
- фразы, позволяющие получить подробную информацию у собеседника: *подробнее / в подробностях / про свою радость / что тебя заставило радоваться?*;
- фразы, включающие указание на адресата: *Ты / Мне / Мне об этом / Мне эту радость*.

В описанных диалогах происходит развертывание интерпретационного дискурса лексемы *радость*, причем «сгустками идей», получающими интерпретацию в ходе достраивания реплик, становятся референциальные области, выделенные в ходе ассоциативного эксперимента. Интересно, что прямое значение слова в речевых высказываниях не задействовано, из этого можно сделать вывод о том, что для интерпретирующего субъекта, достраивающего диалог, наиболее важным оказывается интерпретационное значение, связанное с его личностными смыслами.

Лексема с конкретной семантикой

Проанализируем интерпретационный дискурс имени нарицательного с конкретной семантикой на примере лексемы *сова*.

Словарная статья дает следующие определения:

- Хищная птица с большими глазами и крючковатым клювом, ведущая сумеречный образ жизни.
- только мн.: совы, сов. Отряд птиц, к которому относится сова,

филин, сыч и т. п., ведущие сумеречный образ жизни. 3. Психол. Организация психики человека, период активности которого приходится на ночное время; человек такого типа (противоп.: жаворонок)³.

При проведении ассоциативного эксперимента были получены следующие ассоциации на стимул сова: *ночь* (23), *птица* (11) / *птичка, лес* (8), *глаза* (6), *мышь* (4), *перо* (2) / *перья* (2), *сон* (4), *хищник* (4), *камера* (3), *охота* (3), *филин* (3), *бар-кафе* (2), *Гарри Поттер* (2), *голова* (2), *снег* (2), *у-у* (2), *360* (2), *а я думал сова, аномалия, белая птица, бесшумная / бесшумность, большие глаза / глаза большие, ведьма, ветка, внимательность, дерево / деревья, дупло, жаворонок, звук, зима, картина с совами, книга, кошмар, любимое животное, мем / мемчик, мем про сову, милая, мистер Сова, мох, мудрость, ночная прогулка, ночной хищник, обучающая дошкольников (мультим), подозрительная сова, поздно встает, Пух, Смешарики, спит, студенты, сыч, темно, тишина, ушки, фамилия коллеги по работе, фотокамера, Хогвартс, ху-ху, чайник, шея, я, 2*2* (всего 134 ассоциации, из них 50 единичных).

В ассоциативном поле лексемы сова можно выделить следующие ключевые компоненты смысла:

- *птица: белая птица, любимое животное, птица / птичка, сыч, филин;*
- *хищник: мышь, ночной хищник, охота, хищник;*
- *внешний вид: большие глаза, глаза, голова, перо / перья, ушки, шея, 360;*
- *ночь: кошмар, ночь, ночная прогулка, сон, спит, темно;*
- *лес: ветка, дерево / деревья, дупло, лес, мох;*
- *звук: бесшумная / бесшумность, звук, тишина, у-у, ху-ху;*
- *качества: аномалия, внимательность, милая, мудрость;*
- *зима: зима, снег;*
- *книга / мультфильм / картина: Гарри Поттер, картина с совами, книга, мистер Сова, обучающая дошкольников (мультим), подозрительная сова, Пух, Смешарики, Хогвартс;*
- *мем: а я думал сова, камера, мем / мемчик, мем про сову, фотокамера;*
- *человек: ведьма, жаворонок, поздно встает, студенты, я;*
- *имена собственные (онимы): бар-кафе, фамилия коллеги по работе.*

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы сова можно представить в виде схем (рис. 2).

Таким образом, представленные схемы наглядно демонстрируют усложнение семантики имени нарицательного в процессе интерпретационной деятельности реципиентов. Исходное значение дополняется и обогащается компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта. По утверждению А. А. Залевской, «человеку свойственно выходить на тот уровень "перевода знаков", поиска нужной "интерпретанты", который для него наиболее актуален в текущий момент как результат взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов» [Залевская 2018: 22].

На втором этапе лингвистического эксперимента реципиентам предлагалось достроить следующий диалог с лексемой сова:

- *Привет!*
- *Привет!*
- *Ты знаешь, мы вчера ездили в лес.*
- *Зачем?*
- ...
- *Мы видели там сову.*
- *И что?*
- ...

Результатом стали достроенные диалоги, которые демонстрируют интерпретационную деятельность адресата. В процессе развертывания диалогического высказывания адресат актуализирует ключевые компоненты семантики имени нарицательного, лексема интерпретируется и становится неким стимулом для порождения высказывания. Те компоненты смысла, которые были зафиксированы в ходе ассоциативного эксперимента, являются точками, служащими основой для порождения дальнейшего высказывания.

Птица: *Часто увидишь такую птицу? / Привет! / Просто вспомнил, как мы тоже были в том лесу и увидели сову / А ничто, просто сова:) / Она улетела, увидев нас / Ты видел до этого сову? Я – нет.*

Хищник: *Она охотилась на мышей / Она украла кусок мяса! / Она что-то несла.*

Внешний вид: *Она была огромной / Она крупнее, чем мы думали / Красивая / Она была маленькой / Она может поворачивать голову почти на 360 / А ты никогда не видел их? Они невероятно красивы! /*

³ Сова. Большой толковый словарь русского языка, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=-Сова&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=-Сова&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.04.2024).

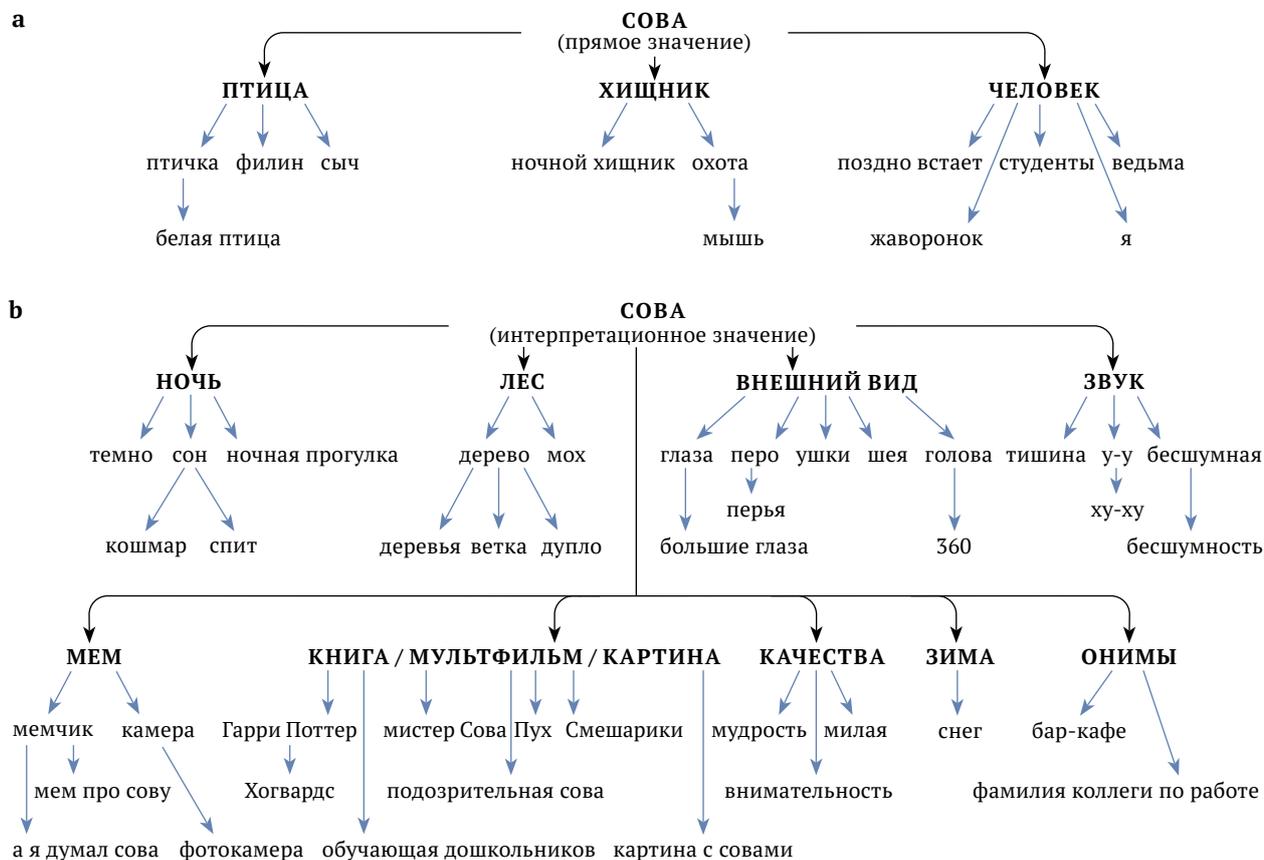

Рис. 2. Схема прямого (а) и интерпретационного (б) развертывания семантики имени нарицательного с конкретным значением

Fig. 2. Direct (a) and interpretational (b) deployment of semantics for a concrete common noun

Она была очень страшной формы / Она оказалась альбиносом / Она была без крыла / Понравилась, большая / Красивая, с большими глазами / Мы ее сфотографировали. Она была искусственной / У нее были большие глаза / У нее такие красивые глаза, прям звездное небо! / Она смотрела на нас...

Ночь: – Мы видели там сову. – И что? – Днем!!! / Она днем не спала.

Лес: Она спала в дупле.

Звук: Она была большой и издавала звуки, как в фильмах / Она так кричала, что мы испугались.

Качества: Она была такая забавная / Она такая милая.

Мем: А это оказалась камера / А мы думали камера.

Отметим, что отдельные референциальные области не были задействованы при достраивании диалогов. Например, не получили развертывания такие области, как **зима, книга / мультфильм / картина, человек,**

не встречаются также диалоги с областью **имена собственные.**

С другой стороны, в диалогах встречаются референциальные области, которые не зафиксированы среди ассоциаций, например:

Охота / добыча: Убили / Она мертва / Ты сову ловил? / Мы съели ее / Ее съел дятел.

Испуг: Сбежали / Мы испугались, она чуть не врезалась в одного из нас / Она нас напугала / Нам было очень страшно.

Предсказание: И она насчитала мне 30 лет / 5 лет осталось мне жить.

Редкость: Она занесена в Красную книгу. Я расскажу о вас Роспотребнадзору / Ничего, просто это редкость / Я впервые в жизни увидел ее.

Подобно развертыванию диалогов с именами нарицательными, имеющими абстрактное значение, в диалогах с существительными, имеющими конкретное значение, были актуализированы неинформативные

высказывания адресата. Среди них можно выделить следующие:

- а) высказывания, направленные на прекращение коммуникации: *И всё / Ничего / И то / Ничто, имбицил тупой / Иди ты нафиг, недовольный какой-то / Да так, просто сказал / Забудь / Нормально общайся / Я просто решил поделиться этим с тобой.*
- б) оценочные высказывания: *Мне она не понравилась / Прикольно просто / Ну, это ведь здорово / Это круто / Это было интересно / Это лучше, чем медведь.*

Заключение

В статье мы исходили из предположения, что имя нарицательное имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников. В процессе актуализации того или иного компонента значения ведущая роль принадлежит интерпретационной деятельности воспринимающего субъекта.

Сравнительный анализ интерпретационного потенциала существительных с абстрактным и конкретным значением позволил выявить следующие закономерности:

1. Выделенные референциальные области абстрактных и конкретных существительных связаны с зафиксированным в словарной статье лексическим значением косвенно, поскольку большинство из них не коррелируют с описанием, данным в словаре.
2. Компоненты семантической структуры ассоциативного поля абстрактных и конкретных имен нарицательных могут порождать как синонимичные, так и антонимичные реакции.
3. Ассоциативное поле существительных с конкретным значением более разнообразно, однако повторяющиеся реакции встречаются чаще, чем у существительных с абстрактной семантикой.

Литература / References

- Болотнова Н. С. Коммуникативный потенциал слова. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)*, ред. А. П. Сквородников. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: СФУ, 2014. С. 231–232. [Bolotnova N. S. Communicative potential of the word. *Effective speech communication: basic competencies*, ed. Skovorodnikov A. P. 2nd ed. Krasnoyarsk: SFU, 2014, 231–232. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uqacin>
- Боярская Е. Л., Метелев М. В. Абстрактные существительные: когнитивный подход к проблеме описания значения. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 1. [Boyarskaya E. L., Metelev M. V. Abstract nouns: A cognitive approach to the problem of describing meaning. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2024, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.56>

4. Отдельные референциальные области не были актуализированы при достраивании диалогов. При развертывании диалогов с абстрактными именами существительными чаще всего не задействуются области, связанные с прямым (словарным) значением лексемы (например, *эмоции* и *состояние* у лексемы *радость*), в то время как при развертывании диалогов с конкретными именами существительными не задействуются области, связанные с интерпретационным значением (например, области *зима, книга / мультфильм / картина, имена собственные* у лексемы *сова*) и переносным значением (*человек*).

5. В диалогах с конкретными существительными встречаются референциальные области, которые не выявлены среди ассоциаций (например: *охота / добыча, испуг, предсказание, редкость*).

6. При развертывании диалогов могут актуализироваться неинформативные высказывания адресата.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Позднякова – разработка методики исследования, проведение лингвистического эксперимента, обработка и обобщение экспериментальных данных, подготовка статьи. Н. Н. Шпилная – общее научное руководство, разработка концепции, редактирование статьи.

Contribution: E. Yu. Pozdnyakova developed the research methodology, conducted the linguistic experiment, processed and generalized the experimental data, and drafted the manuscript. N. N. Shpilnaya provided scientific consultations, developed the research concept, and proofread the article.

- Бубнова И. А. Личностный смысл: результат познания или внешнего воздействия? *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, Н. В. Уфимцева. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 27–36. [Bubnova I. A. Personal meaning: The result of cognition or external influence? *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I., Ufimtseva N. V. Moscow: MAKS Press, 2010, iss. 40, 27–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ubjqyt>
- Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Интерпретационный потенциал прагматически маркированного слова: взаимодействие идеологического и оценочного компонентов. *Вестник НГПУ*. 2015. № 5. С. 8–22. [Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Interpretational potential pragmatically marked with the word: Interaction ideological and evaluative component. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (5): 8–22. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01>
- Голев Н. Д., Сергеев А. В. Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 4. С. 126–129. [Golev N. D., Sergeev A. V. Variability in the realization of the interpretative potential of the text: An experimental study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (4): 126–129. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ltxpal>
- Демьянков В. З. Интерпретация. In: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: МГУ, 1996. С. 31–33. [Demyankov V. Z. Interpretation. In: Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: MSU, 1996, 31–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/shrrfz>
- Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. *Вопросы филологии*. 1999. № 2. С. 5–13. [Demyankov V. Z. Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Voprosy filologii*, 1999, (2): 5–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sijpop>
- Залевская А. А. Вопросы естественного семиозиса. Тверь: ТвГУ, 2018. 160 с. [Zalevskaya A. A. *Issues of natural semiosis*. Tver: TverSU, 2018, 160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/youonpk>
- Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010. 328 с. [Karaulov Yu. N. *Associative grammar of the Russian language*. Moscow: LKI, 328. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtdqnb>
- Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. 3-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2012. 272 с. [Kim L. G. *Variational-interpretational functioning of the text*. 3rd ed. Kemerovo: KemSU, 2012, 272. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/trjgzx>
- Ким Л. Г., Беляева Е. С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста. *Вестник ТГУ. Филология*. 2019. № 57. С. 48–62. [Kim L. G., Belyaeva E. S. The addressee's pre-textual expectations as a factor of variability in the interpretation of a political text. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2019, (57): 48–62. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/3>
- Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма. *Сибирский филологический журнал*. 2008. № 1. С. 144–153. [Kim L. G., Golev N. D. On the relationship of an addressee, author and text in the paradigm of linguistic interpretationism. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2008, (1): 144–153. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvhuux>
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с. [Kubryakova E. S. *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: Nauka, 1986, 158. (In Russ.)]
- Лукиянова Н. А. Коммуникативные миры Ч. С. Пирса. *Terra Linguistica*. 2012. № 1. С. 235–243. [Lukianova N. A. Charles Pierce's communicative worlds. *Terra Linguistica*, 2012, (1): 235–243. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbphal>
- Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как реализация психологического значения (на материале ассоциативного поля лексемы гражданин). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 9. С. 41–48. [Pishchalnikova V. A., Stepykin N. I. Speech action as the realization of the psychological meaning (based on the associative field of the lexeme citizen). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2023, (9): 41–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bhfeyh>
- Позднякова Е. Ю. Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 6. С. 143–154. [Pozdnyakova E. Yu. Proper name discourse actualization (exemplified by linguistic experiment). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2023, 22(6): 143–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>

- Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента). *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 3. С. 54–71. [Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Actualization of interpretational potential of a common noun with abstract semantics (based on a material of an associative experiment). *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(3): 54–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71>
- Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с. [Potebnya A. A. *Symbol and myth in folk culture*. Moscow: Labirint, 2000, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylovjb>
- Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с. [Potebnya A. A. *Symbol and myth*. Moscow: Pravda, 1989, 623. (In Russ.)]
- Рудакова А. В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект. М.: Ритм, 2023. 348 с. [Rudakova A. V. *The meaning of the word as a phenomenon of linguistic consciousness: Psycholinguistic aspect*. Moscow: Ritm, 2023, 348. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvuvuh>
- Сахарный Л. В., Сиротко-Сибирский С. А., Штерн А. С. Набор ключевых слов как текст. *Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста иностранных языков*: Республиканская науч.-техн. конф. (Пермь, 26–29 июня 1984 г.) Пермь: Перм. политехн. ин-т, 1984. С. 81–83. [Sakharnyy L. V., Sirotko-Sibirskyy S. A., Stern A. S. A set of keywords as a text. *Psychological, pedagogical, and linguistic issues of foreign text studies: Republican Sci.-Technical. Conf.*, Perm, 26–29 Jun 1984. Perm: Perm Polytechnic Institute, 1984, 81–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhmonx>
- Степыкин Н. И. Ассоциативное поле как модель ментальной репрезентации: когнитивный, эмотивный и языковой аспекты. *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2024. Т. 28. № 1. С. 88–99. [Stepykin N. I. Associative field as a model of mental representation: Cognitive, emotive and linguistic aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, 28(1): 88–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2024-28-1-88-99>
- Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 43–73. [Cherneyko L. O. Basic concepts of cognitive linguistics in their correlation. *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2005, iss. 30, 43–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubcvbt>
- Чернейко Л. О. Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 25. С. 106–119. [Cherneyko L. O. Polymorphic linguistic sign as a psycholinguistic phenomenon. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (25): 106–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udlhet>
- Шпильная Н. Н. Внутренняя форма текста как деривационный феномен. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 44–50. [Shpilnaya N. N. Internal form of the text as a derivational phenomenon. *Tomsk State University Journal*, 2013, (373): 44–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qistxf>
- Шпильная Н. Н. Язык и диалог. Кодовая теория диалога. М.: Флинта, 2021. 80 с. [Shpilnaya N. N. *Language and dialogue: code theory of dialogue*. Moscow: Flinta, 2021, 80. (In Russ.)]